

Ася Любим

КАК СДЕЛАТЬ БАНДИТА

Честным человеком

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ася Любич

**Как сделать бандита
честным человеком 2**

«Автор»

2026

Любич А.

Как сделать бандита честным человеком 2 / А. Любич —
«Автор», 2026

— Больно тебе будет, когда он тобой наиграется. Или того хуже, когда решит, что ты его предала. Мама говорит это, вгоняя шпильку в свадебную причёску. Вера только отшучивается. Под окнами уже гудит кортеж, а розовый лимузин, нелепый, как круизный лайнер, въезжает во двор её пятиэтажки. Из люка, с охапкой пионов, кричит Слава: «Готовься, Владимировна! Обратной дороги не будет!» Обратной дороги и правда нет. Слава Вольский женится на женщине, которую подозревает в предательстве. Вера Владимировна выходит за человека, которому до сих пор не призналась, что её завербовали. На свадьбе в дамской комнате её ждёт майор Романов с крохотным жучком и запиской из двух слов: «Под коврик машины». В брачную ночь она говорит правду.

© Любич А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Вера	5
Глава 2 Слава	8
Глава 3 Вера	10
Глава 4 Слава	12
Глава 5	14
Глава 6 Вера	16
Глава 7 Слава	18
Глава 8	21
Глава 9 Вера	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	29
Глава 13 Слава	32
Г	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ася Любич

Как сделать бандита честным человеком 2

Глава 1 Вера

— Когда я говорила найти этому бандиту невесту, я не имела в виду тебя, — цедит мама сквозь зубы, вгоняя шпильку прямо в кожу под волосами с той хирургической точностью, с какой обычно колют не фату, а мозоли на совести.

— Мам! Ну больно же...

— Больно тебе будет, когда он тобой наиграется. Или того хуже — когда решит, что ты его предала.

Опускаю глаза. В зеркале — незнакомая девица в белом, слишком красивая для той жизни, которую на самом деле ведёт. Хорошая маскировка, ничего не скажешь. Жаль, зеркало не умеет врать так же убедительно, как я сама.

— С чего ему так думать? Деньги в его карманы благодаря мне рекой льются. Я, невзирая на статус невесты, продолжаю трудиться на благо его сиятельной компании.

— Однажды ты всё наладишь. Всё будет работать, как часы, я даже не сомневаюсь. И ты станешь ему просто не нужна.

— Мам, ну хватит каркать.

— Просто отмени свадьбу. Пока не поздно.

— Отменить? — усмехаюсь, хотя внутри всё сжимается в узел, достойный морского устава. — Ты смеёшься? Вот тогда он точно меня убьёт.

Мама поджимает губы, но больше ничего не говорит — только чуть крепче стискивает расчёску, будто в этом жесте вся невысказанная материнская трагедия одной отдельно взятой семьи. Я знаю, она права. Знаю это лучше, чем кто-либо, если не считать, возможно, самого Славу, который наверняка тоже знает — просто со своей, куда более опасной стороны баррикад. Но знать и быть готовой развернуться и уйти — это, доложу я вам, две совершенно разные добродетели, а я уже слишком далеко зашла, чтобы разворачиваться. Разве что спиной вперёд, с фатой, зацепившейся за все возможные гвозди судьбы.

Дверь распаивается без стука, и в комнату вваливается Антоха, мой брат и мои подружки, давась от смеха.

— Едут, Вер, едут!

И правда — где-то вдалеке уже слышны нетерпеливые гудки клаксонов, целый нестройный оркестр из машин, явно уверенных, что чем громче, тем торжественнее. Сердце подкакивает к горлу с прытью, достойной лучшего применения. Встаю со стула, забыв про фату, про шпильки, про мамины пророчества, и бегу к окну.

Волнение зашкаливает так, что подрагивают колени — хорошее, надёжное подтверждение того, что я в своём уме, раз способна ещё нервничать перед лицом заведомо безумного решения. Да, выходить замуж за бандита — безумие, граничащее с мазохизмом, причём весьма изощрённым. Да, он может сделать со мной что угодно, стоит ему только заподозрить правду. Но это безумие — головокружительное, обжигающее, из тех, от которых зарекаешься раз десять и всё равно возвращаешься на одиннадцатый. А я не хочу зарекаться. Пока, во всяком случае.

Прижимаюсь ладонями к подоконнику и выглядываю вниз. Кортёж уже вползает во двор, разноцветный и шумный, а во главе его — совершенно возмутительный ярко-розовый лимузин, огромный, как круизный лайнер, до неприличия нелепый, отчего хочется одновременно смеяться и закрыть лицо руками. Слава высунулся из люка по пояс, в идеально сидящем

костюме, с растрёпанными ветром волосами, и держит в руках не скромный букетик, приличествующий случаю, а целую охапку огромных, взрывающихся розовым пионов. Где он вообще нашёл столько пионов посреди сентября — вопрос философский, но, зная его, у него, кажется, для любой прихоти находятся нужные люди и ещё более нужные связи.

Невольно улыбаюсь и машу ему рукой из окна, забыв о всякой невестинной скромности, которую вообще-то полагалось изображать хотя бы до алтаря.

Он смотрит на меня снизу вверх с той самой усмешкой — наглой, самодовольной, от которой у меня каждый раз что-то предательски обрывается внутри, — и, приложив ладонь ко рту, кричит так, что слышно, вероятно, на весь квартал:

— Готовься, Владимировна! Обратной дороги не будет!

Голос тонет в новом залпе клаксонов, кто-то из его парней радостно улюлюкает в ответ, а я стою, вцепившись в подоконник, и чувствую, как по спине пробегает совершенно предательский табун мурашек — не то от страха, не то от того самого безумия, анализировать которое я себе твердо запретила ещё неделю назад.

— Так, всё, хватит светиться в окне, — Надя подскакивает сбоку, решительно обхватывает меня за плечи и оттаскивает от подоконника, а следом вклинивается Аня, перехватывая с другой стороны, не давая опомниться.

— Жених ещё насмотреться успеет! — фыркает Аня, поправляя мне сбившуюся фату, а мама тем временем крестит меня коротким, но выразительным жестом и молча уходит в другую комнату — видимо, чтобы там без свидетелей додумать всё, чего не досказала вслух.

— Это кто там едет? А ну тормози и на порог пока не ходи! — тут же подхватывает Надя нараспев, явно цитируя чей-то давно заезженный свадебный тост, и обе исчезают вниз, оставляя после себя вихрь духов и решимости. Я снова сажусь у зеркала, слушая, как этажом ниже начинается выкуп.

Организовать свадьбу за неделю — ещё одно небольшое безумие в копилку. Но для Славы Вольского, кажется, не существует слова «невозможно» — есть только «пока не договорились» и «уже решено силой». С кем он не смог договориться миром, взял силой. Наверное, и меня бы это рано или поздно постигло, не согласись я неделю назад на наш брак сама, без дополнительных уговоров в духе его обычной деловой этики. Не было слов любви, не было клятв верности, шёпота под луной и прочей лирики, которой полагается сопровождать подобные решения. Это было почти заключение очередного договора — договора, в котором я становлюсь его очередной собственностью, только на этот раз с правом ношения фамильных бриллиантов.

— Ой, куда это годится! — кричит на весь двор Надя, и я жмурюсь, машинально собирая юбку в кулак. Может, сбежать? Может, ещё не поздно?

Розовая колесница! Видно, счастье бьёт в глаза, Раз такая вот краса. Только просто так, дружок, Не отдам я на порог!

— Ты сначала докажи, — тут же подхватывает Аня безупречно отточенным тоном профессиональной сваты: Чем невесту заслужил, Чем богат ты, кроме денег...

Там, внизу, столько смеха и веселья, что и я невольно улыбаюсь, прикидывая, сколько народу вообще умудрилось собраться за эту безумную неделю подготовки. Все братки Славы, ставшие за последние месяцы почти приличными людьми — во всяком случае, приличными настолько, насколько это вообще доступно человеку с подобным послужным списком. Мои родители, брат. Подруги. Соседи по подъезду, которым, подозреваю, обещали бесплатный банкет в обмен на молчание насчёт розового лимузина. Девочки из клуба, который принадлежит Славе. Люба вообще отжигает — даже отсюда слышно её коронный хохот, перекрывающий половину двора.

— Говорят, ты кто-то важный, Ходишь важно и вальяжно. А умеешь ли ты, милый, Тратить деньги не по силе? Положи сюда смелей То, что жжёт карман сильнее!

Они уже совсем близко. И очень скоро, буквально через считанные минуты, мы окажемся в ЗАГСе, и вся эта комедия перейдёт в куда более официальную и куда менее весёлую стадию.

— Вот последняя преграда, Дверца в комнату невесты. Но чтобы ключик подобрать, Ты должен три важных слова прокричать.

Какие же слова прокричит наш жених — вопрос, признаться, интригует и меня саму.

— Я тебя трахну? — с готовностью подсказывает кто-то из гостей, и я почему-то ни секунды не сомневаюсь, что это голос Золотарёва — его манеру повышать градус приличия исключительно в отрицательную сторону я уже успела выучить наизусть.

— Место женщины на кухне, — щедро делится альтернативным вариантом Асхадов, и я почти закатываю глаза, поднимаясь со стула, чтобы подойти к двери. Потому что заветных, приличных случаю слов, судя по всему, дожидаться бессмысленно.

И оказываюсь права: вместо стандартного, скучного, приторно-правильного «я тебя люблю» Слава выдаёт нечто куда более в своём духе:

— Ты теперь моя!

Ни грамма поэзии, зато сто процентов искренности — надо признать, весьма честная формулировка для человека его профессии.

Выхожу из комнаты, слегка теряясь от количества людей, набившихся в наш и без того тесный коридор, и натываюсь на взгляд человека, который, возможно, станет моим самым большим счастьем, а возможно — просто самым красивым моим палачом. Смотрю в его зелёные, пронзительные глаза, на губы, на насмешку, притаившуюся в уголках этих глаз, — и уже почти забываю ту истинную, тщательно продуманную причину, по которой вообще согласилась выйти замуж за бандита.

Глава 2 Слава

— Говорят, ты кто-то важный, Ходишь важно и вальяжно. А умеешь ли ты, милый, Тратить деньги не по силе? Положи сюда смелей, то, что жжёт карман сильнее!

Деньги я давно не считаю. Так что не вижу проблемы раскошелиться, но сегодня это делают за меня.

Наблюдаю, как два взрослых мужика, оба с ножевými на теле и разборками друг с другом длиною в пять лет, синхронно лезут во внутренние карманы за пачками денег.

Золотарёв и Асхадов. Огонь и порох. Последнее время их лучше держать на разных концах города, чтобы обошлось без трупов, а тут — плечом к плечу, оба серьёзные, как на похоронах, выкладывают на поднос, который держит перед ними Надя, деньги такими стопками, что глаза у девчонки становятся размером с блюдце.

У неё даже руки чуть подрагивают под весом купюр, и она бросает быстрый взгляд на Аню — мол, что с этим богатством теперь делать.

— Разориться не боишься, — цедит Асхадов уголком рта, не оборачиваясь, глазами вцепившись в пачку соперника.

— А ты бы себе на похороны оставил, пригодится, — так же тихо огрызается Золотарёв.

Мне бы улыбнуться — ситуация того стоит. Я давно не видел этих двоих настолько единодушными хоть в чём-то. Подпираю плечом косяк подъезда и жду, когда это балаган наконец закончится и меня пустят к невесте. Ладонь сама сжимается в кулак в кармане брюк, и я разжимаю её усилием воли — не хватало ещё, чтобы кто-то заметил, как меня колотит от одного только ожидания.

Люба, вооружившись подносом с рюмками, суёт мне под нос стопку — обряд требует, никуда не денешься. Я залпом опрокидываю, даже не почувствовав вкуса, лишь бы быстрее.

Где-то за спиной кто-то одобрительно гудит, довольный, что жених пьёт не морщась.

— Ну всё, всё, идём, — командует Аня, довольная, что казна пополнилась исправно, и вся орда наконец втискивается в подъезд, толкаясь локтями и сумками.

По пути к квартире меня ждут еще не мало дебильных конкурсов, включая крики и еще несколько стопок водки. И вот мы наконец на нужном этаже у нужной двери. Но и за ней очередной конкурс.

Квартира у родителей Веры — крошечная. Я каждый раз задеваю плечом то шкаф, то чью-то голову, думаю только одно: скорее бы это всё закончилось.

Свадьба, выкуп, ЗАГС, банкет — весь этот балаган, на который я согласился только потому, что мать Веры вцепилась в меня мёртвой хваткой и заявила, что без обряда никакой свадьбы не будет, а обижать будущую тещу в мои планы не входило.

Хотя, будь моя воля, я бы просто украл Веру из этой квартиры неделю назад, когда мы пришли рассказать о том, что женимся. Неделю.

Хотя изначально мама Веры требовала год на подготовку. Она заставила меня ждать целую неделю — «для приличия», как сказала её мать, и я, что удивительно, даже согласился, хотя мог бы просто наплевать на все приличия разом. Но кое-что во мне — то ли остатки совести, то ли просто азарт охотника, который любит, когда добыча чуть дергается, — решило подыграть.

Каждый вечер этой недели я засыпал с мыслью о ней и просыпался с той же мыслью, и от этого настроение к сегодняшнему дню было взвинченным настолько, что даже мои же пацаны на меня косились с осторожностью.

— Ну, жених, отыщи-ка нам лифчик невесты. Не найдёшь — ещё пачку выкладывай.

Все взгляды на мне. Двадцать пар глаз, ждущих подвоха, кто-то уже снимает на камеру, чтобы заснять мой возможный позор.

Я скольжу взглядом по развешанному белью — кружевному, шёлковому, явно позаимствованному специально для представления у половины подружек, — и почти сразу останавливаюсь на одном.

Чёрный, простой, без вычурности.

Именно такой она бы выбрала сама, не напоказ. Я даже вспоминаю, где видел его — на спинке стула в её квартире, в одно совсем не свадебное утро, — и от этого воспоминания на моём лице, кажется, невольно проступает что-то, что можно принять за самодовольство.

— Этот, — тычу пальцем, даже не сомневаясь.

Гости взрываются свистом и одобрительным гулом.

Смешно, если подумать: они ликуют так, будто я разгадал какую-то великую загадку, а для меня это было очевидно, как то, что снег белый.

Раздражение внутри нарастает волнами. На гостей, на подружек невесты, на своих братков, на Веру, что заставила ждать так долго. А особенно на весь этот цирк вокруг, на необходимость участвовать в чужом сценарии, придуманном явно не мной.

Я привык, что события подстраиваются под меня, а не наоборот. Но сейчас я просто жду. Жду ту самую дверь, за которой прячется единственная в этом городе вещь, которую я хочу заполучить не силой, а по-настоящему. Пальцы сами тянутся поправить и без того идеально сидящий узел галстука — жест, который выдаёт меня с головой, потому что я никогда не нервничаю. Никогда. Кроме, кажется, сегодняшнего дня.

И вот я кричу три волшебных слова и дверь открывается.

Я, кажется на миг забываю, как дышать.

Такой Вера, собственного коммерческого директора, свою подчиненную я ещё не видел. Волосы уложены в сложную, но небрежную с виду причёску, из которой выбиваются пара прядей — намеренно, конечно, но выглядит так, будто случайно. Макияж делает её глаза бездонными, а губы — вызывающе яркими и влажными, и я на долю секунды теряю нить того, где вообще нахожусь и сколько людей стоит у меня за спиной.

Вся кровь мгновенно спускается в пах, делая любую мышцу тверже стали. Твою ж мать...

А платье... платье открывает грудь почти наполовину, и в первую секунду у меня в голове взрывается желание укрыть ее пиджаком, спрятать от толпы мужиков за спиной, у половины которых челюсти сейчас предательски отвисли.

Рука сама тянется к пуговице пиджака, но я одёргиваю себя — устраивать сцену ревности на глазах у всех сейчас ни к чему.

Вера чуть приподнимает подбородок, встречаясь со мной взглядом, и в её глазах — то ли смущение от направленных на неё взглядов, то ли что-то похожее на вызов, адресованный лично мне.

Я узнаю это выражение — она всегда так смотрит, когда знает, что произвела эффект.

— Ну Вера Владимировна, — снова не может смолчать Золотарёв, растягивая губы в ухмылке. — Хороша зазноба.

Что-то внутри натягивается, как струна, готовая лопнуть.

— Закройся, — рывкаю на него, даже не глядя, и делаю шаг вперёд — как во сне, честное слово, не чувствуя под ногами пола, слыша только глухой стук собственного пульса в ушах, перекрывающий даже гул толпы.

Девки за спиной орут что-то про приличия, про то, что целоваться положено только в ЗАГСе, при свидетелях, при штампе — но меня уже накрывает так, что все эти условности отлетают, как шелуха.

Толкаю Веру обратно в спальню, из которой она только что вышла, и захлопываю дверь ногой, отсекая свист, гогот и голоса — весь этот чужой, шумный мир — и прижимаю её к себе так, будто неделя ожидания решила взыскать с меня проценты разом.

Продажная моя. Моя — и точка.

Глава 3 Вера

Дверь захлопывается ногой — и мир снаружи обрывается, будто кто-то выдернул шнур из розетки.

Нас остаётся двое. Тесная спальня пахнет лаком для волос, пионами с подоконника и его одеколоном — тем самым, от которого у меня уже несколько месяцев слегка плывёт земля под каблуками.

Слава прижимает меня к себе. Огромный. Горячий. Нетерпеливый.

А потом он целует.

Не нежно. Не «для кадра». Так, словно губы — единственная дверь, которую ему ещё не выкупили, и он ломает её сам.

Поцелуй накрывает сразу, целиком, как волна в мелком море: сначала тепло, потом глубина, потом уже нечем дышать. Его рот горячий, чуть горький от водки.

Я успеваю подумать — глупо, неуместно, — что целоваться с ним всё равно что падать в тёмную воду: сначала страх, потом сладость, потом уже не хочется дна.

Язык ласкает требовательно, не спрашивая разрешения, и в этом движении столько голода, будто он все эти месяцы репетировал не сделки, а именно это.

Пальцы зарываются в причёску, шпильки мстят тихо, фата сползает на плечо. Я вцепляюсь в его лацканы не чтобы оттолкнуть — чтобы не раствориться.

Поцелуй становится влажным, почти непристойным для комнаты, где на спинке стула ещё висит мамин халат. Он низко выдыхает мне в рот, и этот звук проходит по позвоночнику так, будто кто-то провёл смычком по слишком натянутой струне.

Рука уже не на талии.

Ладонь скользит по корсету платья вниз, находит разрез, кружево, голое бедро — и забирается под юбку с той же уверенностью, с какой он берёт чужие фирмы. Тёплая кожа. Шёлк подвязки. Я вздрагиваю, ловлю его запястье через слои ткани.

— Слава... подожди. Ещё чуть-чуть. ЗАГС. Потерпи, — шепчу в губы, потому что голоса почти нет. — Тебе осталось потерпеть совсем немного.

Он не убирает руку. Гладит ногу выше, медленно, будто читает карту, которую давно выучил наизусть. Нашупывает кружевную подвязку, ту, которую Надя застёгивала со смехом «на счастье», — и шипит сквозь стиснутые зубы так, будто его ударили.

— Устал терпеть, — хрипло. Лоб прижат к моему. Глаза близко, зелёные, тёмные,

Ладонь ведёт по бедру снова, большой палец цепляет край подвязки, и я вижу, как у него на скуле ходит желвак.

Кожа у него горячая даже через рубашку. Разум, кажется, и впрямь растворяется, оставляя только эту жадность, от которой платье вдруг кажется слишком тесным, а корсет — препятствием против воздуха.

Я качаю головой.

— Люди за дверью...

— Плевать на людей.

Он целует снова — злее, глубже, — и рука под юбкой поднимается ещё на дюйм, туда, где кружево уже не про прохладу. Колени подкашиваются. Я задыхаюсь ему в рот, когда пальцы находят тонкую ткань белья, и в эту секунду мир взрывается не наслаждением.

Грохот.

Такой, будто дом решил обрушиться в один момент. Мы резко оборачиваемся.

Дверь больше не дверь. Она лежит на полу плашмя, с вырванными петлями, а на ней — целая толпа мужиков, вынесших её плечом, бедром и чистым хулиганским восторгом. Золотарёв орёт первым. Асхадов хохочет так, что заходится.

Сзади улюлюкают свои, чужие, сосед по площадке с бокалом, и все это снимают на камеру. Кошмар, господа!

— Жених заждался, понятно!

Славу буквально отдирают от меня.

Он рычит что-то нечленораздельное, пиджак сбит на плечо, губы тёмные от моей помады. Меня оставляют у стены — задыхающуюся, с фатой набок, с юбкой, которую сама, дрожащими пальцами, дёргаю вниз.

Толпа ржёт. Кто-то хлопает в ладоши, будто это тоже часть выкупа.

И сквозь этот балаган я ловлю взгляд матери.

Она стоит в проёме бывшей двери, прямая, в своём тёмном платье, и смотрит так, будто видит не невесту, а приговор. Ни улыбки. Ни капли свадебного умиления. Только та самая тихая ярость, которой в нашей семье всегда хватало вместо крика.

Глава 4 Слава

Меня спускают с лестницы, как трофей — под руки. Пиджак кто-то на ходу поправляет мне на плечах, кто-то суёт в руку бутылку шампанского, забыв, что мы вообще-то ещё даже не расписались, а уже отмечаем.

— Ну ты как, орёл? — гогочет Асхадов, хлопая меня по спине с такой силой, будто пытается вышибить из меня всё лишнее, включая совесть. — Аж дверь с петель снёс с одной мыслью.

— Заткнись, — рычу без особой злости, потому что злиться уже не осталось сил — вся ярость ушла в другое место, туда, где до сих пор гудит от прерванного момента наверху.

Во дворе солнце бьёт в глаза так, будто нарочно решило подпортить мне и без того сбитое дыхание. Розовый лимузин, вопиюще нелепый, всё ещё торчит посреди двора, но теперь рядом с ним выстроен целый караван машин поменьше — чёрные, начищенные, с лентами на капотах, будто похоронный кортеж перепутали с праздничным. Мои ребята уже рассаживаются, кто-то курит у капота.

А я на автомате нахожу взглядом Толика — он держится чуть в стороне, у крайней машины, и когда наши глаза встречаются, едва заметно качает головой: чисто, шеф, ничего нового. Я киваю в ответ, и это движение отнимает у меня больше сил, чем весь сегодняшний выкуп. Уже неделю я пытаюсь выяснить, существует ли реальный Романов из ФСБ, с которым встречалась Вера, или это просто ревностный бред Яны, которую сюда никто не позвал.

Оглядываюсь наверх, на окно третьего этажа. Свадьба, оказывается, только начинается, а меня уже неделю трясёт так, будто это финал какого-то марафона — и не только того, о котором думают все вокруг. Через минуту в дверях подъезда появляется она — фата поправлена, платье приведено в божеский вид усилиями Нади, Любы и Ани, которые семянят по бокам, как три встревоженные наседки, — но щёки у неё всё ещё горят тем самым румянцем, который выдаёт нас обоих с головой перед всем двором.

Мать её идёт следом, с тем самым лицом, которым, подозреваю, можно замораживать воду в стакане на расстоянии. Я перехватываю её взгляд — и на секунду мне даже становится не по себе, что для человека вроде меня редкость. Эта женщина смотрит на меня не как на зятя, а как на диагноз, который уже поставлен и обжалованию не подлежит.

Усаживаю Веру в машину сам — не в лимузин, туда набьётся вся орава, а в Волгу, где хотя бы полчаса до ЗАГСа можно будет подышать без двадцати посторонних взглядов на её декольте. Захлопываю дверь, обхожу капот, сажусь рядом. Водитель трогается, кортеж гудит клаксонами позади нас — целый оркестр, будто мы не в ЗАГС едем, а на штурм какого-то города.

Вера сидит, аккуратно расправив юбку, глядя прямо перед собой, и молчит, а я не могу заставить себя отвернуться. Не могу заставить себя не думать о том, что она может быть предательницей. Но больше всего — о том, что она сегодня станет моей.

А она не смотрит в ответ, как должна бы смотреть влюблённая невеста. Неделю назад я бы решил — стесняется, нервничает, как любая невеста. Теперь ловлю себя на том, что раскладываю это молчание на составляющие, будто читаю отчёт: что она скрывает под этим слишком ровным дыханием, кому и что должна доложить после сегодняшнего дня, если моя паранойя вообще имеет под собой почву.

Мерзкая мысль. В такой день — особенно мерзкая. Гоню её и цепляюсь за то, что вижу глазами.

— Мать твоя на меня так посмотрела, будто я у неё дочь украл, — говорю, просто чтобы услышать её голос, а не этот звенящий шум в собственной голове.

— А ты и украл, — отвечает она, наконец повернувшись, и в уголках губ прячется та самая усмешка, за которую я, кажется, и влип во всё это по уши. — Только с её же благословения, что обиднее всего.

Смеюсь — коротко, хрипло, всё ещё немного не в себе. Потом тянусь к её руке, лежащей на колене, накрываю своей ладонью. Пальцы у неё холодные, несмотря на духоту машины и на всё, что было пятнадцать минут назад в той спальне.

— Замёрзла?

— Нервничаю, — признаётся тихо, и это честнее всего, что она сказала за сегодняшнее утро. — Есть ощущение, что я сдаюсь в добровольное рабство.

— Обещаю, я буду очень справедливым хозяином.

Она поднимает глаза, цепляется за это слово быстрее, чем я успеваю пожалеть о выборе формулировки. Я ведь не сказал нежным. Не сказал добрым. Сказал именно справедливым — и по её взгляду вижу, что разница от неё не укрылась.

— Такое себе...

— Поздно, Владимировна. — Сжимаю её пальцы чуть крепче. — Сбежать я тебе уже не дам.

— Я и не собиралась, — шепчет она, пока я приближаюсь к её лицу, обхватываю пальцами, слегка сдавливая щёки.

— Почему.

Даже сам слышу, насколько по-дурацки это прозвучало — куцо, без вопросительной интонации, будто не спрашиваю, а констатирую.

— Что?

— Почему не сбежала. Ты ведь знаешь, кто я такой. И как бы ты ни чистила обложку этой книги, страницы там давно в крови.

— Буквально на днях ты открыл новый благотворительный фонд, который помогает развивать спортивные направления в Питере.

— Да? Не знал.

— Это я так твои грехи пытаюсь отстирать. Хорошими делами.

— Думаешь, в раю это сработает?

Глава 5

— Вряд ли. Но не переживай, думаю, в аду нам понравится больше.

Договаривает — и вдруг опускает ладонь мне на ширинку, медленно проводит языком по губам, глядя на меня снизу вверх с тем самым выражением, за которое я бы прибил любого другого человека на её месте, а ей прощаю всё до последней капли.

— Нам? — сжимаю её руку поверх своей, не давая убрать, и толкаюсь бёдрами навстречу. В паху горит так, что сил терпеть почти не остаётся, а до ЗАГСа, чувствую, доедем с проблемой погабаритнее, чем букет пионов.

— Ну да. Муж и жена — одна сатана.

— Вот теперь даже не знаю, кто кого изменить пытается, — усмехаюсь и дёргаю её на себя.

Но в этот момент за окном показывается тяжёлый сталинский фасад, и Вера, вместо того чтобы податься ближе, вдруг хитро улыбается — коротко, воровато, будто уже всё рассчитала наперёд.

— Ты видела его, да.

— Мне нравится тебя дразнить, — смеётся она и откидывается на спинку сиденья, спокойно поправляя юбку, будто минуту назад не она держала ладонь там, где держала. Ждёт, когда нам откроют двери машины, с видом человека, который только что выиграл раунд и не собирается это скрывать.

ЗАГС встречает нас основательным сталинским фасадом и толпой моих людей, оцепивших крыльцо с той серьёзностью, с какой обычно охраняют не свадьбу, а сходку. Двое из ребят Асхадова торчат у машин, делая вид, что просто празднуют, хотя по посадке плеч вижу — работают, глазами шарят по крышам соседних домов.

Привычка. У меня врагов достаточно, чтобы даже в день свадьбы не расслабляться до конца. Тот же Мясницкий, которого я буквально бросил в клубе, так и не заключив сделку, — потом прислал своего человека, который аккуратно, но внятно дал понять, что хозяин унижен подобным отношением и это ему не забудется. Или Ульянов, у которого я вырвал землю прямо из-под носа на тендере, обойдя все его связи. Или Буркин, у которого я отжал несколько вагонов.

Список длинный. Врагов у меня хватает, и половина из них с удовольствием испортила бы мне сегодняшний день одним метким выстрелом с ближайшей крыши. И, положив руку на сердце, не только внешних врагов я сегодня высматриваю в толпе — есть ещё и та, что сидит рядом со мной, тёплая и живая, с недавно порозовевшими от смеха щеками, и о которой я до сих пор не знаю, стоит ли её вписывать в этот же список или нет.

Внутри лучшего питерского ЗАГСа — прохлада, красная ковровая дорожка, слегка выцветшая от времени, и регистраторша, дама лет пятидесяти с непроницаемым лицом человека, повидавшего тысячи свадеб и давно переставшего удивляться составу гостей. При виде моей братвы, занявшей ползала, она даже бровью не ведёт — то ли профессионализм, то ли просто устала бояться. Когда она начинает свою дежурную речь про торжественность момента и ответственность друг перед другом, я почти не слушаю. Смотрю на Веру сбоку — на профиль, на то, как дрожат ресницы, на то, как она сцепила пальцы, чтобы не выдать волнение, — и в голове одновременно происходят две вещи, которые мешают друг другу до тошноты.

Одна часть меня — та самая, звериная, которая не признаёт полумер, — хочет просто верить в эту минуту целиком, без остатка. Вторая, та, что заставила меня неделю держать Толика на подхвате, спокойно фиксирует каждую деталь: сцепленные пальцы, слишком ровное дыхание. Досье само пишется в голове, хочу я того или нет.

Может, я просто клинический параноик, у которого от трёх месяцев рядом с этой женщиной поехала крыша сильнее, чем от любой стрелки. А может, я единственный из всех присутствующих в зале, кто смотрит на невесту трезвыми глазами.

— Согласны ли вы, Вячеслав Борисович...

— Да, — отвечаю раньше, чем она успевает договорить вопрос до конца, и по залу прокатывается смех — кто-то из братвы не удерживается от свиста.

Отвечаю раньше не потому, что не сомневаюсь. Отвечаю раньше, потому что если сейчас дать себе секунду на раздумье, я, кажется, впервые в жизни могу дрогнуть. Вера чуть улыбается, качает головой, а когда очередь доходит до неё, отвечает тише, но так же твёрдо. Твёрдо, отмечаю я про себя. Без запинки, без единой дрогнувшей нотки — как отвечала мне под дулом пистолета три месяца назад. Хорошая выучка или искренность — со стороны не отличить, сколько ни смотри.

Кольца, которые я выбирал сам, лично, отправив прочь трёх консультантов, надеваются легко, будто созданы именно для этих пальцев. А когда регистраторша наконец произносит нужные слова и разрешает поцеловать невесту, я не жду повторного приглашения.

Целую её, схватив как добычу и развернув так, что теперь она нависает над полом. И может упасть в любую секунду, если я отпущу. А я не отпущу. Даже если она сука. Не отпущу.

Зал взрывается аплодисментами, кто-то кричит «горько», кто-то уже открывает шампанское раньше времени, и я, отстранившись на пару сантиметров, смотрю в её глаза — тёмные, блестящие, немного растерянные — и впервые за эту безумную неделю позволяю себе на несколько секунд просто не думать про Романова, про Толины отчёты, про досье, которое всё ещё пылится у меня в сейфе неоконченным. Просто смотрю на женщину, которая стала моей женой, и чувствую, что весь этот балаган с лентами, лифчиками и разбитыми дверьми был, пожалуй, не так уж и напрасен.

Глава 6 Вера

Штамп в паспорте оказывается совсем маленьким, почти незаметным синим прямоугольником — а ощущение такое, будто мне только что вручили новую жизнь целиком, вместе с квитанцией и гарантийным талоном. Смотрю на разворот, на свою фамилию рядом с его — Вольская, надо же, — и внутри что-то тёплое и совершенно неуместное разливается, будто кто-то щедро плеснул мёда прямо в грудную клетку.

Не планировала я эту свадьбу. Ни секунды не планировала — если бы месяц назад мне сказали, что я в белом платье, с фатой, буду стоять перед регистраторшей рядом с человеком, который однажды приставлял мне пистолет к щеке, я бы рассмеялась в лицо предсказательнице и назвала её сумасшедшей. А вот стою. И, что самое странное — счастлива. По-настоящему, до головокружения, до нелепой, детской улыбки, которую даже не пытаюсь сдержать.

Едва мы выходим за порог ЗАГСа, Слава без предупреждения подхватывает меня на руки — легко, будто я вешу не больше букета, который так и остался зажат у меня в кулаке, — и все гости взрываются восторженным гулом.

— Слава! Осторожно, каблучки! — взвизгиваю я, машинально вцепляясь ему в шею, хотя падать явно не собираюсь — руки у него как из стали.

— Не уроню, — усмехается он, и в этой усмешке столько самодовольства, что хочется закатить глаза, но вместо этого я почему-то смеюсь.

Он несёт меня вниз по ступенькам крыльца, а сверху, из толпы гостей, обрушивается настоящий рисовый ливень — мелкий, колючий, набивается в волосы, в вырез платья, сыплется за шиворот, и я жмурюсь, отворачиваю лицо, но всё равно продолжаю смеяться, потому что удержаться просто невозможно. Кто-то из братвы орёт что-то одобрительное, Надя визжит громче всех, а Люба, кажется, вообще подавилась собственным восторгом.

Слава останавливается прямо посреди этого зерна и хаоса, ставит меня на асфальт — аккуратно, придерживая за талию, — и целует. Не так, как в ЗАГСе, сдержанно и напоказ. Целует по-настоящему, крепко, забрав лицо в ладони, а рис всё сыплется на нас сверху, застревает у него в волосах, у меня на ресницах, и от этого поцелуй получается почти комичным, но мне плевать — я обнимаю его за шею и отвечаю так, будто вокруг вообще никого нет.

— Горько! — оглушительно скандирует толпа, будто мы и без подсказки не поняли, что нужно делать.

Когда мы наконец отрываемся друг от друга, я ловлю его взгляд — тёмный, тёплый, без единой привычной насмешки — и на секунду мне кажется, что весь тот кошмар последних месяцев, вся эта паранойя, недоговорённости, чужие тайны, которые я ношу в себе, будто камень за пазухой, — всё это где-то очень далеко, за пределами сегодняшнего дня. Сегодня я просто невеста. Просто счастливая женщина, которую только что на руках вынесли из ЗАГСа под рисовым дождём.

До ресторана едем в той же машине, обклеенной шариками и лентами, с гудящим позади кортежем, и я всю дорогу вытряхиваю рисинки из декольте, а Слава смотрит на этот процесс с таким плотоядным интересом, что мне приходится шлёпнуть его по руке, потянувшейся туда же.

— Не сейчас, — смеюсь я.

— А когда? — бурчит он с притворным недовольством, но руку всё-таки убирает.

Ресторан встречает нас светом, музыкой и — количеством людей, от которого у меня буквально перехватывает дыхание в дверях. Я ожидала гостей пятьдесят, ну семьдесят, с учётом моей скромной родни и его не менее скромной братвы. Но зал забит битком — сотни полторы, не меньше, и я узнаю едва ли треть лиц. Какие-то незнакомые мужчины в дорогих костюмах, женщины в вечерних платьях, которые точно не были на выкупе, компания за отдельным

длинным столом, при виде которой я невольно замедляю шаг — судя по выправке и одинаковым тёмным пиджакам, это точно не друзья моих родителей.

— Слав, — тихо тяну его за рукав, стараясь не терять улыбку, чтобы никто не заметил, как мне не по себе, — а кто все эти люди?

— Партнёры, — коротко бросает он, ведя меня к главному столу, и в этом слове звучит столько будничности, будто речь о десятке дальних родственников, а не о полтора сотнях незнакомцев, разглядывающих меня, как экспонат на выставке.

Чувствую, как щёки начинают гореть — не от смущения даже, а от липкого, неприятного ощущения, что я нахожусь на витрине. Каждый чих, каждое движение вилкой, каждая улыбка будет замечена, оценена, обсуждена потом за спиной — кто такая эта Вера Владимировна, откуда взялась, надолго ли задержится рядом с Вольским. Проходим мимо стола с теми самыми людьми в одинаковых пиджаках, и один из них, немолодой, с тяжёлым взглядом, коротко кивает Славе — не мне, именно ему, — и от этого кивка у меня по спине пробегает холодок, совершенно не сочетающийся с моим свадебным настроением.

— Всё в порядке? — Слава замечает, как я напряглась, накрывает мою руку своей, пока мы идём к центру зала.

— Просто... много народу, — выдавливаю улыбку. — Не думала, что нас будет так много.

Слава внимательно смотрит на меня несколько секунд — слишком внимательно, будто взвешивает что-то помимо моих слов, — а потом вдруг качает головой, будто принял решение.

— Знаешь что. Поехали отсюда.

— Что? — моргаю, не понимая, шутит он или нет.

— Поехали, говорю. Нахер эту толпу, пусть сами с собой гуляют, раз им так надо.

— Поехали. Правда, не могу здесь больше находиться. — Он уже машет кому-то через весь зал. — Паш! Отмени «КИШ».

— Какой Киш? — напрягаюсь я, машинально хватаясь за его рукав.

— Группу «Киш». Я их для тебя позвал, — он произносит это так буднично, будто речь о том, что заказал такси, а не пригласил на свадьбу культовую рок-группу, — но если ты хочешь уехать, то ну их...

Договорить он не успевает — я уже пишу от восторга, подпрыгивая на месте, как последняя дурочка, забыв про всё своё смущение минуту назад.

— Господи, откуда ты вообще узнал, что я...

— Думаешь, я не в курсе, что ты постоянно просишь включить в машине? — усмехается он с той самой самодовольной ленцой, за которую я то хочу его придушить, то, как сейчас, готова расцеловать всё лицо целиком.

Целую его в щёку — коротко, но от души — и уже бегу к сцене, потому что оттуда доносятся первые аккорды именно той песни, которую я слушаю до дыр вот уже который месяц. Каблуки утопают в ковровине, фата за спиной летит вслед, и мне абсолютно, совершенно наплевать, что полтора десятка незнакомых мужчин в дорогих костюмах сейчас смотрят на меня как на не в меру эмоциональную девчонку.

Глава 7 Слава

Девчонки горланят «Невесту колдуна» так, что дрожат хрустальные висюльки на люстрах, — Надя со своим неповторимым визгливым сопрано, Люба басит где-то на полтона ниже, чем нужно, Аня подпевает с закрытыми глазами, прижав ладони к груди, будто исполняет рекем, а не свадебный кабак-хит.

Мои же орлы за столами смотрят на этот девичий концерт. Кто-то присвистывает, кто-то отпускает комментарий вполголоса, за который в другой день я бы уже дал в челюсть. Но сегодня прощаю всем. Даже Золотарёву, который громче всех орёт «браво» и стучит кулаками по столу, чтобы танцевала посуда.

Потом начинается вторая часть балагана под названием свадьба. Долгие, нудные, но по-своему забавные, особенно когда наблюдаешь, кто и что тащит на общий стол.

Асхадов дарит нам охотничий нож ручной работы с гравировкой наших с Верой инициалов на рукояти — практично, ничего не скажешь, всегда пригодится. Золотарёв, не желая уступать в оригинальности, вручает охотничье ружье с гравировкой. Надо будет научить Веру стрелять. Мясницкий, не приехавший лично, но пославший гонца, преподносит настоящий антикварный кортик в бархатном футляре — жест, в котором читается больше сарказма, чем поздравления, учитывая нашу с ним последнюю встречу. Родители Веры дарят самовар, доставшийся им от бабушки.

Когда с подарками наконец покончено, тамада объявляет танец молодых, и я веду Веру в центр зала под аплодисменты, которые уже начинают сливаться в один сплошной гул у меня в ушах.

Прижимаю её к себе крепче, чем требуют приличия медленного танца, чувствую под ладонью тонкую ткань платья и то, как она подстраивается под мои шаги — легко, будто мы репетировали это годами, а не танцуем вместе первый раз в жизни.

— Знаешь, — говорю тихо, наклонившись к самому уху, — в этом платье ты выглядишь слишком откровенно. Так откровенно, что хочется вышибить мозги всем, кто на тебя смотрит.

— Не говори так, — усмехается она, откидывая голову, чтобы поймать мой взгляд, — а то я подумаю, что ты влюбился.

— Планирую расправиться с этим чувством к завтрашнему утру, и более трезво смотреть на тебя.

— Даже не знаю, хочу я этого или боюсь больше всего на свете.

Кручу её в развороте, снова прижимаю к себе, и в этот момент решаюсь на то, что вертится на языке уже неделю.

— Вера, мы женаты. Я перед тобой как открытая книга. Может быть, у тебя есть что-то, что ты хотела бы мне сказать?

Она хмурится. Сглатывает — я вижу, как дёргается кадык на её тонкой шее. Уже открывает рот, будто действительно готова произнести что-то важное, — и вдруг смотрит куда-то мне за спину. Резко качает головой.

Всё это происходит так быстро, что стороннему наблюдателю вряд ли удалось бы что-то заметить.

— Я перед тобой такая же открытая книга, — говорит она наконец, снова глядя мне в глаза, — хотя и не настолько откровенная, как ты.

Несмотря на тупую, ноющую боль где-то под рёбрами, улыбаюсь. Что мне ещё остаётся.

— Горько! — взрывается зал, будто специально дожидался этой секунды, чтобы не дать мне додумать мысль до конца.

Прижимаю Веру к себе ещё крепче и жадно целую. Назло собственным подозрениям. Просто потому, что хочу.

Нас прерывает тамада, затеявший очередной конкурс.

Кое-где даже забавно поучаствовать — особенно когда приходится зубами стягивать подвязку с ноги Веры под улюлюканье и бурные аплодисменты половины зала, а вторая половина в это время делает вид, что не смотрит, хотя смотрят все до единого.

Наконец мы садимся за стол и добираемся до еды, которую за весь вечер толком никто и не попробовал, когда рядом возникает Паша — с лицом человека, которому есть что сказать, но совершенно не хочется этого делать.

— Там Золотарёв и Асхадов сцепились, — говорит он вполголоса, наклонившись к моему уху.

— Что там у них опять? — тут же врывается Вера, поворачиваясь ко мне, но я качаю головой.

— Я сам. Отдыхай. Вон мама твоя к тебе идёт.

Она оборачивается на голос матери, а я уже встаю и иду за Пашей, пробираясь между столами.

В коридоре ресторана если и не бойня, то очень жаркий спор, который активно поддерживают заряженные стволы их братков — оружие уже не в кобурах, а в руках, и это первое, что мне не нравится в этой картине.

— Тебе какое дело, она согласна, — рычит Асхадов, тыча пальцем куда-то в сторону Золотарёва.

— А ты выбора ей не оставил. Ей восемнадцать лет, что она там понимает. Всю жизнь в твоём гареме ждать, когда до неё очередь дойдёт?

— Она тебе не дочь, чтобы за неё решать.

— Она сестра моей женщины.

— Женщины, которая шарахается от тебя как от огня. Не уважает тебя.

— Да пошёл ты, султан недоделанный. Не получишь Аню. Я Наде обещал.

— Ты обещал, а не я. Она моей будет.

— Всё, баста, — встаю между ними в ту самую секунду, когда оба уже тянутся к поясам, а их шестёрки синхронно передёргивают затворы. — Это моя свадьба, и я не потерплю на ней бойни.

— Тогда рассуди нас, — тут же цепляется Асхадов. — Какого хрена он за девку решает.

— Такого, что за неё некому решить. Будь она твоей сестрой, ты бы уже убил за неё. Женись на ней, и я отстану, — рычит Золоторев.

— Ты с каких пор таким благородным и правильным стал? Воздержание сказывается?

— Закройся! Женись и все.

— Нахрена?! Она же русская, — морщится тот, будто это железный аргумент. — Они под любого за бабки готовы лечь. Тем более не целка — меня мои поймут.

— Так ты сам её девственности и лишил, — орет Золоторев.

— Это уже не важно.

— Ты совсем псих.

— Ты кого психом назвал?

— Так, всё, — киваю своим парням, кивком указывая на обоих идиотов. — Вяжите обоих. Для них праздник на сегодня окончен.

Пока моих ребят разводят по разным машинам, я замечаю юную Аню — она стоит чуть поодаль, у стены, и смотрит на Асхадова.

— Аня... — орет Асхадов.

— Пойду за бабки под любого ложиться, придурок! — выкрикивает она Асхадову.

— Только попробуй — убью! — рычит он, дёргаясь вперёд, но его уже держат под руки.

Она разворачивается и убегает — куда-то в сторону кухни, придерживая подол, — а обоих мужиков буквально увлакивают за угол, где их наконец удаётся рассадить по разным машинам.

Вытаскиваю сигарету, закуриваю, прислоняюсь спиной к холодной стене коридора, выпускаю дым кольцами в потолок. Хорошо, что у нас с Верой нет таких драм. Никакого дележа, никакого «моя — не моя», никакого гарема и оскорблённой чести на ровном месте.

Скоро мне доложат, что Яна просто сука, которая наговорила на Веру от ревности и зависти. Вера окажется настолько честной, насколько вообще возможно быть честной в этом городе. А я, наконец получу свою чёртову индульгенцию, которой она манит меня уже несколько месяцев — возможность просто перестать считать каждый её вздох подозрительным. Да, есть Романов из ФСБ, есть даже информация, что он спал с той же Яной. Но ни одного, ни единого доказательства, что Вера с ним хоть раз встречалась или как-то контактировала. А значит, я зря себя накручивал всю эту неделю, зря держал Толика на подхвате, зря читал её молчание как чужой шифр.

Прижимаюсь затылком к стене, втягиваю последние остатки табака из сигареты, собираюсь наконец вернуться в зал, где меня ждёт невеста — вернее, уже жена.

И в этот момент вижу, как Вера идёт мимо туалетов к лестнице, ведущей на пустую летнюю террасу на крыше. Идёт быстро, почти торопливо, оглядываясь через плечо — так, будто очень не хочет, чтобы её заметили.

Глава 8

Идти за ней не хочется. Меньше всего сейчас хочется убедиться в том, что она меня сознательно предаёт — что все эти месяцы, вся эта неделя слежки, весь Толикин блокнот с отчётами не паранойя, а точная диагностика. Но и стоять на месте я уже не могу.

Следую за ней шаг за шагом, поднимаясь всё выше по узкой лестнице, пока не оказываюсь на пустой террасе. Тут вокруг — накрытые тканью столы и составленные друг на друга стулья, приготовленные для какого-то другого мероприятия, ещё не начавшегося сезона. Очень легко спрятаться в этих тенях между рядами укрытой мебели, и я на автомате отмечаю это, будто оцениваю позицию для засады, а не иду следом за собственной женой.

Вера идёт всё дальше, к самому краю, останавливается у перил — и вдруг достаёт из маленькой сумочки сигарету.

— Это что ещё за хрень, — не выдерживаю я, и она резко оборачивается, выдыхает от испуга так, что чуть не роняет зажигалку.

— Слава.

— Ты когда курить начала?

— Да я не начала, — она нервно улыбается, пряча сигарету за спину, будто это что-то меняет. — Люба сказала, что это поможет пережить вечер и всё это пристальное внимание.

— Люба тебе ещё и не такое посоветует, — забираю сигарету у неё из пальцев, убираю в карман пиджака вместе с остатками собственного раздражения.

— Просто их там так много. И все смотрят. А ты ушёл, и я там одна. И мама ещё.

— А мама что?

— Да так. Опять начала расписывать моё радужное будущее в чёрных красках.

На секунду я почти теряю нить — «радужное» и «чёрных красках» никак не хотят стыковаться в голове, но потом до меня доходит, и я усмехаюсь.

— А мне она недавно сказала, что большинство женщин сидит в тюрьме именно за убийство родственников. Так, к слову, между делом.

Вера наконец смеётся — искренне, запрокинув голову, — и я тяну её к себе, притягиваю почти грубо, вжимаясь коленом между её ног прямо через тонкую ткань платья. Тру медленно, ощущая, как она вздрагивает всем телом, и щёки у неё мгновенно вспыхивают румянцем, который в свете вечерних фонарей кажется почти алым.

— Стой, ты что...

— Я тебе покажу, что расслабляет гораздо сильнее любых сигарет, — разворачиваю её спиной к себе, одной рукой удерживая за талию, второй наклоняюсь, чтобы задрать подол платья и коснуться тёплой, мягкой кожи бедра.

— Слава, стой, ну что ты творишь, — шепчет она, хотя даже не пытается вырваться по-настоящему, — сюда может зайти кто угодно.

— Тогда нам нужно поторопиться, — выдыхаю ей прямо в затылок, чувствуя запах её волос — лак, духи и что-то совсем родное под этим всем, — пока нас не хватились внизу.

Платье задирается к чертям.

Под ладонью — раскалённая, гладкая кожа, у самого сгиба бедра уже вся мокрая. Вера вжимается спиной мне в грудь, и сквозь этот дурацкий корсет я чувствую, как её сердце колотится с частотой миллион ударов в секунду.

Дышит мне прямо в рукав — рвано, мелко, как ненормальная. Внизу надрывается банкет, гремит музыка, а здесь только я и Вера, Вера, которая просто пришла покурить... Какой же эйфорией наполняет мое тело это осознание. Просто покурить.

Веду руку выше.

Нашупываю кружево. Узкая тесёмка трусиков, тёплая и насквозь пропитанная её влагой. Глажу прямо поверх — медленно, с оттяжкой, хотя в паху всё ломит так, что терпение просто рвёт к херам. В горле у неё что-то срывается. Даже не стон, а жалобный скулёр, который она до крови кусает губами.

— Тише, — рычу ей в самый затылок, мажу губами по волосам. — Или пусть слушают. Плевать я хотел.

Забираюсь под кружево.

Охренеть, какая горячая. Узкая, мокрая, припухшая от возбуждения. Она вздрагивает от первого же касания, запрокидывает голову мне на плечо — вижу мокрые ресницы, закусенную губу, как она жмурится до боли. Сдавленный стон бьёт по мозгам хлеще любого пойла.

Каждое её тихое «а-а» отдаётся у меня прямо в яйцах — они тяжёлые, как камень, член буквально разрывает от прилива крови. Разум сворачивается в один животный инстинкт: задрать этот подол, согнуть её на перилах и отдолбить прямо здесь, плевать на всех, кто ждёт внизу.

Коленом грубо развожу ей бёдра. Два пальца прижимаются к влажной плоти. Прикусываю ей мочку уха до боли, чтобы самому не заорать, как зверь.

— Вот так, сука. Вот за это я на тебе и женился.

Большим пальцем снаружи впечатываюсь прямо в бугорок клитора.

Вера буквально трясётся на моей руке, комкая фату и платье в кулаках. В ширинке пульсирует так, что в глазах пляшут искры.

Ещё секунда — и мне станет плевать на торт, на гостей, на её чокнутую мать.

Хочу пометить её прямо сейчас. Хочу, чтобы она вернулась к столу на негнущихся ногах и каждую секунду помнила, чьи пальцы только что рвали её изнутри.

Снизу раздаётся грохот, перекрывая оркестр. Голос тамады режет уши:

— Где молодые?! Торт остывает, сколько можно ждать!

Шаги на лестнице. Пьяный смех. Кто-то уже лезет вверх.

Вера всхлипывает, в панике пытается свести колени. Хрен там. Не убираю руку — делаю ещё один глубокий, вязкий круг, дожидаясь, пока её тело сотрясёт мелкой судорогой, и только потом выскальзываю наружу.

Пальцы блестят от её смазки. Не отрывая взгляда от её лихорадочно блестящих глаз, подношу руку к лицу и медленно слизываю всё с кожи. Чтобы видела. Чтобы поняла, кому принадлежит.

Наклоняюсь к самым её губам и глухо шепчу:

— Ещё два часа, Вер. Потом я запру чёртову дверь в номер. И урою каждого, кто сунется нам помешать.

Резко одёргиваю её подол, дёргаю на себе пиджак. Брюки стоят колом, нихрена уже не скрыть. У Веры щёки пылают, рот приоткрыт и мелко дрожит — и в этот момент на террасу вваливается Антоха:

— Вы охренели совсем?! Торт вывезли, все вас ждут!

Глава 9 Вера

Торт оказывается огромным, трёхъярусным, украшенным серебристыми лентами и живыми розами — не представляю, кто успел заказать такую громадину за неделю подготовки, но, зная Славу, вопрос явно риторический.

Тамада торжественно вручает нам нож с бантом на рукоятке, и мы разрезаем нижний ярус вместе, его ладонь поверх моей, а весь зал разражается новой волной аплодисментов, будто мы совершили нечто невероятное, а не просто отрезали кусок бисквита.

Голова кружится.

От шампанского, которое льётся не переставая, от музыки, от мельтешения лиц, от бесконечных тостов, в которых меня называют то музой, то спасительницей, то просто «той самой Верой Владимировной», о которой уже полгорода слышало легенды.

Но сильнее всего голова кружится от взгляда Славы — он темнеет с каждой минутой, становится всё гуще, всё тяжелее, и я физически чувствую этот взгляд кожей, даже когда он в паре метров от меня разговаривает с гостями, даже когда я танцую очередной конкурсный танец с каким-то представительным дядькой в дорогом костюме, которого мне представили минуту назад и чьё имя я уже успела забыть.

Внутри всё ещё пульсирует.

Отголоски того, что случилось на террасе, не отпускают меня ни на секунду — я то и дело ловлю себя на том, что вспоминаю его пальцы, его голос у самого уха, то ощущение, когда весь мир сжался до одной точки и вдруг рассыпался на осколки чего-то ослепительного.

Головой понимаю, что это называется оргазм — не то чтобы я совсем неопытна в этом смысле, — но даже в самых смелых своих мыслях не могла представить, что с ним это будет именно так.

Влажным. Чувственным. Немного грязным в самом лучшем смысле этого слова.

Невыразимо, до дрожи прекрасным.

Таким, что всё тело будто попадает в невидимые сети и медленно тонет, уходит куда-то на самое дно, всё глубже и глубже, пока оргазм не выносит обратно на поверхность, позволяя наконец вдохнуть полной грудью.

Мы танцуем ещё один тур вальса — уже вдвоём, без конкурсов, — и я чувствую, как его рука на моей талии сжимается чуть крепче обычного, как он наклоняется к самому уху и что-то шепчет про «ещё немного», и я понимаю, что до забронированного мной номера мы, кажется, уже не доедем спокойно — разве что доберёмся живыми, не растеряв остатки приличия прямо в лифте отеля.

К середине очередного конкурса — что-то про то, кто из нас лучше знает другого, глупые вопросики с карточками — голова у меня уже настолько гудит от смеси адреналина, шампанского и предвкушения, что я тихо шепчу Наде: «Я на минуту», — и выскальзываю из-за стола, пробираясь через зал к туалету, чтобы сбрызнуть лицо холодной водой и хоть немного прийти в себя.

В дамской комнате пусто — играющая музыка едва доносится через дверь приглушённым гулом.

Открываю кран, наклоняюсь над раковиной, ловлю в зеркале своё покрасневшее, слишком счастливое лицо..

И в этот момент одна из кабинок за спиной со щелчком открывается.

Сердце подскакивает к горлу ещё до того, как я успеваю обернуться.

В зеркале — он. Романов.

Офицер ФСБ, который совсем недавно напомнил мне, что моя жизнь слишком плотно связана с криминальным миром. Настолько плотно, что он эту самую жизнь может легко разрушить, если я не буду подчиняться, если обо всем расскажу Славе.

Спокойный, в неприметном тёмном костюме, будто просто зашёл в туалет по нужде, а не караулил меня здесь всё это время.

Хочу закричать — рот уже открывается сам собой, — но он качает головой, медленно, почти лениво, и этого хватает, чтобы голос застрял где-то в горле вместе с воздухом.

Он кладёт передо мной на бортик раковины что-то маленькое, размером с ноготь, и рядом — сложенный листок бумаги.

Разворачиваю трясущимися пальцами.

«Под коврик машины».

Всего два слова, а внутри у меня всё обрывается разом.

Действительно — если секретаршу ещё можно заподозрить, уволить, проверить, то на жену никто и никогда не подумает. Даже если жучок найдут — последней, кого заподозрят в собственном доме, буду я.

Он уже разворачивается обратно к кабинке, когда за дверью ванной раздаются знакомые шаги, и ручка начинает поворачиваться.

Романов исчезает за створкой так же бесшумно, как появился, а я в панике сую крохотный чип себе в декольте — под лиф, туда, где точно никто не станет искать, — и делаю шаг вперёд, натягивая на лицо самую беспечную улыбку, на какую только способна в эту секунду.

— Малыш, к чёрту всех, — Слава распаивает дверь настежь, глаза у него уже совсем чёрные, нетерпеливые, — я забрал ключи у Паши. Едем прямо сейчас.

Чувство вины скручивает внутренности в тугую, болезненный узел.

Что стоит прямо сейчас развернуться, ткнуть пальцем в ту самую кабинку — и Слава уничтожит этого Романова здесь же, не сходя с места, весь его отряд, всю его контору, если понадобится.

Но где гарантия, что завтра на его место не придут другие, посвежее и понастойчивее? Где гарантия, что они не объявят Славе настоящую войну — с прослушкой похуже жучка в декольте, с делом, которое уже не отмажешь никакими фондами и благотворительностью?

Он и так почти ничего противозаконного больше не делает.

Ещё немного, ещё чуть-чуть — и им действительно будет нечем нас шантажировать.

— Вер, ты в порядке?

— Просто представляю лицо мамы, когда она поймёт, что ты меня похитил, — усмехаюсь я и вкладываю свою ладонь в его.

Пальцы у него горячие, требовательные, сжимают мою руку так, будто он и правда собрался тащить меня отсюда силой, невзирая на гостей, тамаду и недоеденный торт.

И, глядя в его потемневшие глаза, я на секунду почти забываю про жучок, спрятанный у самого сердца, — почти.

Глава 10

Мы идём к машине через опустевшую парковку, и каждый шаг отдаётся у меня в висках громче, чем музыка, которая доносится из ресторана позади. Слава держит меня за руку так крепко, будто боится, что я сбегу прямо сейчас, посреди асфальта, в свадебном платье и на каблуках. Если бы он знал, от чего мне действительно хочется сбежать.

Жучок под лифом кажется раскалённым — маленький, почти невесомый, а ощущение такое, будто я несу на груди кусок угля. Каждый раз, когда Слава смотрит на меня, мне кажется, что он видит его прямо сквозь ткань, прямо сквозь кожу, видит всё — и Романова в кабинке, и записку, и то, как я минуту назад решала, предать его или нет.

Он открывает передо мной дверь машины — той самой, чёрной, в которой мы утром ехали в ЗАГС целую жизнь назад, — и я опускаюсь на сиденье, чувствуя, как подгибаются колени вовсе не от выпитого шампанского.

Слава садится за руль сам, и машина плавно выезжает со стоянки в ночной, влажный после недавнего дождя город.

Молчу. Смотрю на свои руки, сложенные на коленях, и думаю только об одном: если сейчас достать этот жучок и просто выбросить его в окно, спрятать под сиденьем, сделать вид, что ничего не было, — что случится завтра? Через неделю? Через месяц? Романов не отступится. Такие, как он, никогда не отступаются — просто пришлют кого-то другого, понастойчивее, менее склонного оставлять записки в дамских комнатах.

А если рассказать Славе? Прямо сейчас, здесь, в машине, где нас никто не слышит?

Он взбесится — это к бабке не ходи. Но он не идиот. У него наверняка есть рычаги, о которых я даже не подозреваю, — связи, адвокаты, люди в погонах, которые обязаны ему больше, чем бояться своего начальства. Он выстроил половину легального бизнеса города за несколько месяцев не потому, что верил в удачу, а потому что умел находить решения там, где другие видели тупик. Может, и здесь найдёт.

Открываю рот. Сердце колотится так, что кажется — вот-вот выскочит из груди прямо в панель приборов.

— Слава, я должна тебе кое-что...

И тут прямо перед нами, срезая полосу без единого сигнала поворота, выныривает машина — тёмная, без номеров спереди, — и подрезает нас так резко, что у меня обрывается всё внутри.

Слава давит по тормозам с такой силой, что визг шин заглушает мои недосказанные слова. Нас обоих швыряет вперёд, ремни впиваются в плечи, спасая от удара о панель, и на секунду весь мир превращается в один сплошной белый шум.

Авария. Прямо в брачную ночь. Не к добру.

— Твою мать! — рычит Слава, и я впервые слышу в его голосе не раздражение, а настоящую, дикую ярость, которая вскипает мгновенно, будто только и ждала повода. — Убью нахер!

Он наклоняется, открывает бардачок и вытаскивает оттуда пистолет.

— Зачем?!

— Пусть знает тварина. Завтра парни разгребутся, не парься.

Он уже тянется к ручке двери, готовый выскочить, догнать, разобраться.

— Не надо! — держу его пока он не вышел.

— Не лезь, — отталкивает он меня, но выйти не успевает. Машина впереди, взвизгнув шинами, уже срывается с места и растворяется в переулке, будто её и не было. Будто водитель понял на кого нарвался.

А я кажется до сих пор не поняла.

Слава остаётся сидеть, вцепившись в руль так, что белеют костяшки, дышит тяжело, часто, и я вижу — вижу совершенно отчётливо, — что он на грани. Ещё секунда, и он погонится за призраком в ночи, либо выместит это напряжение на первом же светофоре, на первом же случайном идиоте, который посмотрит не так.

Мне становится страшно — не за себя. За него. За то, что он может натворить в таком состоянии, а мне сейчас меньше всего нужно, чтобы он ввязался в новую разборку. Не сейчас. Не сегодня, когда у меня в лифе платья спрятан жучок, а на языке — так и не сказанная правда.

Отвлекая его единственным способом, который приходит в голову. Наклоняюсь, целую шею — там, где бьётся бешеный пульс, — потом скулу, потом уголок губ. Обнимаю за плечи, прижимаюсь всем телом, будто хочу впитать в себя всю эту его ярость и растворить её в чём-то другом.

— Вер, не сейчас...

— Ты больше не хочешь меня?

— Херню не неси, просто успокоиться надо.

— Ну ладно, — уже отворачиваюсь, чувствуя ком в горле, когда Слава бьет по рулю, оглушая пустую улицу клаксоном и убирает пистолет в бардачок.

— Иди сюда.

— Не надо.

— Иди сюда, сказал. Хотела меня отвлечь. — Слава рычит — низко, утробно — и дёргает меня к себе рывком. — Так отвлекай, жена...

Сопротивляться прекращаю ровно в ту секунду, когда его губы врезаются в мой рот. Грубо, жадно, будто хочет наказать меня за то, что я посмела его отвлечь, и одновременно благодарит за то же самое.

Глава 11

Слава рычит. Одной рукой удерживает мой затылок, окончательно разрушая замысловатую причёску. Второй рукой тащит мою ладонь вниз, к своей ширинке, и я дёргаюсь — рефлексивно, от неожиданности, — но всё-таки поддаюсь, чувствуя, как под тканью брюк уже всё каменное, напряжённое до предела.

— Тебе всё равно придётся всему научиться, Вер, — хрипло выдыхает он мне в губы, и в голосе всё ещё звенят остатки адреналина. — Не так страшен волк, как его малюют.

— Вряд ли речь шла о мужских гениталиях, — смеюсь я ему в шею, чувствуя, как горят щёки, пока мои пальцы всё же протискиваются мимо плоского, напряжённого живота вниз, туда, куда он их и тащил.

Пальцы проскальзывают ниже.

Пряжка. Ремень. Раскалённая ткань брюк — и под ней он, твёрдый, горячий, такой плотный, что на секунду дыхание сбивается само. Слава шипит сквозь зубы, когда ладонь накрывает его через материю. Руль в одной руке белеет от хватки. Вторая не отпускает мой затылок, держит у своего рта, будто я могу отступить.

— Вер... — хрипло, почти предупреждение.

Расстёгиваю пуговицу. Молния поддаётся с коротким звуком, слишком громким для этой тишины. Бельё. Жар.

И когда пальцы наконец касаются кожи — он весь вздрагивает, бёдра чуть подаются навстречу, и я понимаю, что отвлекла его слишком хорошо. Ярость не ушла. Перетекла. Стала похотью.

Его мужской член крупный. Горячий. Тяжёлый в ладони. Вена под пальцем бьётся так же бешено, как пульс у него на шее, который я только что целовала. Провожу вверх — медленно, неумело, потому что руки дрожат. Господи, что я делаю...

Слава низко рычит мне в губы и толкается в кулак.

— Вот так. Крепче. Не гладь, как котёнка.

Сжимаю. Он выдыхает ругательство, лоб падает мне на висок. Поцелуй сбивается: зубы, дыхание, мокрый след на углу рта.

Вторая его рука лезет мне под юбку платья — грубо, сразу на бедро, мнёт кружево подвязки, и я вздрагиваю всем телом, чуть не ударяясь затылком о стойку.

— Слава, я хотела тебе сказать.

— Потом скажешь.

Пальцы его находят край белья. Я настолько мокрая, что слышу постыдное хлопанье его пальцев во влаге. Стыдно и сладко одновременно, и это бесит сильнее страха.

Слава это чувствует — усмехается коротко, зло, довольно — и гладит поперёк ткани точно туда, откуда по животу расходится жар.

- Чуть быстрее, Вер...

Двигаю пальцами все быстрее. Кожа скользкая. Головка горячая, чувствительная: стоит провести большим пальцем, он дергается как будто, живой. Слава вжимается затылком в подголовник и шипит так, будто его ударили.

— Сука... Как же охренительно.

Накачиваю ему так, как он хочет: крепче, короче, снизу вверх, и слушаю, как у него срывается дыхание.

— Смотри на меня, — приказывает хрипло.

Смотрю. Зелёные глаза почти чёрные. Челюсть сведена. Он на грани не только от ярости — от этого тоже. Бёдра толкаются в ладонь рвано, глубоко, и я чувствую, как он твердеет ещё сильнее, как пульс сбивается.

— Сейчас кончу, — предупреждает без спроса.

Киваю снова. Слова не лезут. Пальцы внизу у меня работают коротко, зло, по клитору, и волна поднимается так резко, что я кусаю его плечо через пиджак, чтобы не кричать. Срываюсь первой.

Он следует за мной сразу. Жаркая, густая струя на пальцы, на запястье, на край платья. Слава глухо рычит, вжимает меня в себя, дрожит всем телом. Несколько толчков ещё — пустых, жадных — и оседает, дыша мне в волосы, как зверь после драки.

Тишина. Только дворники сами собой мажут по стеклу. Только сердце.

Он достаёт платок. Вытирает мне руку сам. Грубо, быстро, не глядя. Потом включает аварийку, выруливает с полосы, будто минуту назад не стоял поперёк города с расстёгнутой ширинкой.

— Что ты там хотела сказать?

— Я... - открываю рот, готовая уже сказать, но не могу, слова словно застревают в горле. А если он выкинет меня прямо здесь? Оставит на дороге или закопает где –нибудь... Нужно домой доехать. Там в спокойной обстановке. – Рада, что мы поженились.

— А я-то как рад. Но ты не расслабляйся. У нас еще вся ночь впереди, - Слава выруливает на дорогу и у меня внутри все клокочет, дыхание перехватывает, жарко невыносимо.

— Слава, меня завербовало ФСБ.

Глава 12

— Слава, - достаю жучок и выкидываю его в окно. - Меня завербовало ФСБ.

— Что?

— Меня завербовало ФСБ

Смеётся. Коротко, зло, бьёт ладонью по рулю — раз, другой, — и от этого звука я вжимаюсь в сиденье сильнее, чем от любого крика.

— Ты поэтому замуж за меня вышла? — спрашивает он неожиданно ровно, и эта ровность пугает больше всего.

— Что?

— Замуж согласилась выйти почему? Романов приказал?

— Ты его знаешь? — вырывается у меня раньше, чем успеваю подумать, и внутри всё обрывается — если он знал про Романова, то что ещё он знал всё это время, пока я мучилась угрызениями совести и искала момент для признания?

— А ты думаешь, я debil?

— То есть ты всё знал и всё равно молчал? Почему прямо не спросил? Почему женился?

— Не тебе мне претензии предъявлять, — рычит он так, что я вжимаюсь в дверь. — Вот не тебе, блять! И давно ты с ним?

— С кем — с ним?

— С Романовым, - заводит он машину.

Внутри что-то холодеет от того, как он это произносит — будто речь о любовнике, а не о человеке, который угрожал моему отцу.

— Слава, мне кажется, ты не понял. Не с Романовым, а с ФСБ. И куда ты едешь? Слава!

— Он нас слушает? Прямо сейчас слушает?

— Я не знаю!

— Ну конечно ты не знаешь, — цедит он, и голос у него такой мёртвый, такой чужой, что я замолкаю окончательно.

Он куда-то долго меня везёт, а я молчу, вцепившись пальцами в собственные колени, и лишь надеюсь, что не совершила самую большую ошибку в своей жизни — и что эта самая жизнь ещё продолжится хоть немного дальше сегодняшней ночи.

За окном мелькают фонари, потом их становится всё меньше, потом дорога темнеет совсем, и с каждым километром меня трясёт всё сильнее — не от холода.

После часа езды в полном молчании мы вдруг тормозим у большого кирпичного дома — за коваными воротами, за забором под два метра, в каком-то садовом кооперативе, о котором я даже не слышала.

— Давай я выйду, — говорю, чувствуя, как немеют пальцы.

— С чего вдруг.

— Я не хочу туда ехать.

— А тебя больше никто не спрашивает.

— Слава, я призналась тебе. Я хотела как лучше. Я не хотела тебя обманывать, а ты...

— А что я, я хоть пальцем тебя тронул? Но видит бог, очень хочется тебя придушить.

Ворота начинают открываться — медленно, с металлическим скрежетом, — и я вдруг совершенно отчётливо, физически ощущаю: обратно он меня не выпустит. Что там, за этим забором, есть подвал, или яма, или просто тихое место, где никто никогда не найдёт мои кости, а завтра он с каменным лицом расскажет всем, что жена сбежала в первую же брачную ночь. Что угодно расскажет — ему поверят, потому что кто станет проверять слова Вячеслава Вольского.

— Нет! Нет, я не пойду туда! — нажимаю на ручку двери, но не успеваю — Слава дёргает меня за платье. Ткань трещит по швам, но вырваться у меня не выходит. Размахиваю руками, задеваю его лицо ногтями, а он только шипит:

— Угомонись. Всё равно далеко не уйдёшь в таком наряде.

Не успела. Мы уже внутри двора, а всё, что мне остаётся, — это молиться, беззвучно, судорожно, чтобы муж не стал сегодня моим палачом.

— Родители ничего не знали! Они ни при чём! Не трогай их! Не трогай! И Антон ничего не знал!

— Хорош ныть, — бросает он, обходя машину. — На себя не похожа.

— Слава! Вольский!

Ору я уже во весь голос, срывая связки, а он выходит из машины, обходит её и открывает мне дверь с той же обыденностью, с какой открывал утром у ЗАГСа.

— На выход.

— Не пойду. Хочешь меня убить — убивай на глазах у своих людей. Пусть видят, какое ты чудовище.

— Интересно, — цедит он, — а когда ты мне дрочила, тоже чудовищем считала?

— Замолчи!

— Это ты хочешь сцену устроить при моих людях. Выходи, сказал.

— Нет! Я останусь здесь, пока мы не поговорим.

— В доме поговорим.

— Я не пойду.

Он дёргает меня из машины, закидывает на плечо — путаясь в моих же юбках, — и я молочу кулаками по его спине, ору «спасите» так, что горло уже саднит, но ни один из его людей, ни одна тень у ворот даже не шевелится. Будто меня здесь вообще нет. Будто кричит пустое место.

Всё, это конец. Сейчас он отнесёт меня в подвал, прикуёт к стене и просто оставит там умирать голодной смертью — и никто, никогда, ни одна живая душа не узнает, что случилось с Верой Владимировной в первую брачную ночь.

— Спасите!

Он тащит меня через двор, перекинув через плечо, будто мешок с картошкой, а не законную жену, и я болтаюсь у него на спине, колочу кулаками по его спине и бёдрам, ору так, что горло уже саднит, — а вокруг ни звука в ответ.

Ни шороха, ни оклика, ни единого силуэта в окнах огромного кирпичного дома, к которому мы приближаемся. Только шаги Славы по гравийной дорожке, размеренные, тяжёлые, будто он несёт не человека, а очередной груз, который нужно доставить по адресу.

— Спасите! — кричу ещё раз, уже почти сорванным голосом, и понимаю с ужасающей ясностью, что кричать здесь просто некому. Место выбрано идеально — глухой забор, кованые ворота, ни одного соседского дома в поле зрения. Идеальное место, чтобы закопать жену в первую брачную ночь и на следующий день с каменным лицом рассказывать всем, что она сбежала.

Мысли скачут одна безумнее другой, а перед глазами почему-то стоит не Романов, не жучок, не вся эта неделя лжи — а лицо мамы, вгоняющей шпильку мне в волосы и говорящей: «Больно тебе будет, когда он решит, что ты его предала». Вот оно. Вот она, та самая минута, о которой она предупреждала. Только мама, кажется, даже не подозревала, насколько будет права. А главное, как скоро.

Слава пинком открывает дверь — не заперто, будто его тут ждали, — заходит внутрь, и тепло дома неожиданно ударяет мне в лицо, вырывая на секунду из паники. Это непохоже на склеп, который я себе нарисовала.

— Отпусти! — снова дёргаюсь, но хватка у него железная.

Он несёт меня дальше, через холл, мимо лестницы, и наконец, опускает на пол — не швыряет, а именно опускает, аккуратно, придерживая за талию, пока я не встаю на ноги твёрдо. Отступает на шаг. Смотрит. А потом разворачивается и уходит, закрывая дверь на ключ. Оставляя меня одну.

Глава 13 Слава

Снаружи наконец позволяю себе выдохнуть. Трясёт — по-настоящему, крупно, как в лихорадке, — и я стою посреди двора, сжимая и разжимая кулаки, пытаюсь унять эту дрожь хоть каким-то способом, кроме как что-нибудь сломать.

— Машину — на разбор, — бросаю подошедшему Толику, даже не глядя на него. — Всю. До последнего болта. Если там хоть одна лишняя проволочка — найти.

— Понял, шеф.

Отхожу к воротам, закуривая — руки настолько ходят ходуном, что зажигалка щёлкает вхолостую три раза, прежде чем огонёк наконец занимается, — и смотрю, как мои парни методично вскрывают обшивку салона, снимают сиденья, лезут под панель, под коврики, в багажник, в бардачок.

Смотрю и не могу поверить, что всё это происходит на самом деле. Что вот прямо сейчас, ночью, во дворе дома, куда я никогда никого не привозил, мои люди разбирают машину в поисках прослушки, потому что Вера только что призналась мне в том, о чём я мысленно строил версии последнюю неделю.

Все мои подозрения. Все ночи, когда я лежал без сна и убеждал себя, что просто параноик, что сгущая краски, что тощая заучка в очках не может быть агентом чужой конторы, — всё это оказалось правдой.

Хуже правды.

Она сама это подтвердила.

Вот только легче от этого почему-то не становится ни на грамм.

Затягиваюсь так глубоко, что лёгкие обжигает. До сих пор не верится. Не то чтобы не верится в сам факт — факт как раз укладывается идеально, слишком идеально, каждая деталь на своё место: и её выдержка под стволом три месяца назад, и её отказ лечь со мной в первую же неделю, и этот её вечно ровный, отрешённый голос. Не верится в другое — в то, что она вообще открыла рот и сказала мне это сама. Добровольно. В машине, где я мог бы её попросту придушить и никто бы не узнал.

Или это тоже часть плана.

Ещё один ход, разработанный кем-то другим, кто-то опять написал ей текст, и она снова, как тогда, в «Белых розах», с гениальной точностью сыграла нужную сцену — признание перед лицом опасности, жест доверия, чтобы усыпить бдительность, пока настоящая игра идёт где-то на другом уровне, о котором мне знать не положено.

Или она правда испугалась и правда решила, что честность её спасёт. Что я, узнав всё из первых уст, просто... что? Прощу? Закрою глаза и будем жить дальше, как ни в чём не бывало, две семьи вместе — моя братва и её чекисты?

Да неужели она вообще всерьёз рассчитывает, что я теперь доверю ей хоть что-то. Хоть посмотреть на мои бумаги. Хоть остаться в одной комнате без охраны за дверью.

Смеюсь тихо, зло, сам себе, выдыхая дым через нос.

Ну и парочка мы теперь. Бандит и стукачка.

Женаты меньше суток, а уже врем друг другу так профессионально, что впору книжку писать.

— Чисто, Вячеслав Борисович.

Валера, местный технарь подходит, вытирая руки тряпкой, лицо у него серьёзное, будто докладывает не о поиске жучков, а о результатах вскрытия.

— Хорошо посмотрели?

— Ну так мы машину разобрали почти до винтика. Если честно, обратно вряд ли соберём прямо сейчас.

— Давно пора было машину купить новую, — бросаю равнодушно, хотя внутри всё ещё звенит той же самой мыслью по кругу, без остановки: доверять или не доверять, верить или готовиться к худшему, простить или сломать.

Отшвыриваю окурок, растираю подошвой по гравию и иду обратно к дому — туда, где меня ждёт женщина, которую я час назад назвал женой, а сейчас даже не знаю, как назвать.

Возвращаюсь в дом — тихо, без стука, — и вижу её в коридоре, у стены, ноги прижаты к груди, руки обхватывают колени. Всё ещё в свадебном платье, теперь порванном по шву, с растрёпанной причёской, из которой торчат в разные стороны шпильки. Стоило мне переступить порог, она вскакивает резко, будто ждала этого звука всё время, что меня не было.

Мы стоим друг напротив друга — ещё недавно, кажется, целую вечность назад, влюблённые, а теперь чужие настолько, что даже воздух между нами другой, плотнее, холоднее.

— Ну и где ты так долго был?! Я думала ты меня тут бросил.

— Машину вскрывали. Прослушку искал. Извини, дорогая, что задержался.

— Ты совсем... Я же выкинула жучок, прежде чем признаться. Он не должен узнать, что ты знаешь... — говорит она первой, будто это что-то меняет.

— Удобно, — цежу сквозь зубы.

— Прекрати! Я тебе призналась!

— И я должен тут же встать на задние лапки и благодарить тебя, как пёс, которому кость кинули?

— Хотя бы разобраться, в чём причина!

— Это я и пытаюсь сделать, — рычу, чувствуя, как снова подступает та же самая дрожь, что колотила меня во дворе. — Видишь, ты ещё жива.

— Как великодушно!

— Да, нахрен! Да, великодушно, Вера! Потому что будь на твоём месте любая другая — я бы её уже в бетон закатывал.

Она замолкает на секунду, будто эти слова наконец пробивают ту броню, за которой она прячется, и в глазах у неё что-то ломается — не то от страха, не то от чего-то ещё, чему я пока не готов давать название.

— Ничего не получится, да? У нас с тобой, — говорит тихо, почти себе под нос. — Зря я...

— Мы тут будем разговаривать или быть может пройдем в гостиную? — иду внутрь, а она за мной.

— Чей это дом? — она проходит на кухню, где я набираю воды в чайник. — Вы его используете как пыточную?

— Да, — усмехаюсь мрачно. — Не видела там на стене кандалы и цепи?

— Ты шутишь?

— А ты за кого меня принимаешь?

— За бандита, кем ты и являешься. И судя по всему собираешься им остаться.

— Это уже твои домыслы.

— Или ты никогда никого не пытал?

— Люди слишком трусливы, чтобы их требовалось долго пытать, — отвечаю ровно, отворачиваясь от кухни. — Да и не в этом доме этим заниматься. Это мой дом. — Голос предательски садится. — Должен был стать нашим. Но теперь я даже не знаю, кто ты мне. Финансовый директор, который сливал информацию? Жена, которая предала ещё до того, как согласилась выйти замуж? Кто ты, Вера?!

— Человек, — отвечает она тихо, но твёрдо, глядя мне прямо в глаза, не отводя взгляда, как умела делать всегда, даже под дулом пистолета три месяца назад.

— Отлично, — усмехаюсь горько и принимаюсь стягивать пиджак. — А я, по-видимому, олень. Мне так сперма на мошонку давила, что я дальше собственного носа ничего не видел. Но после сегодняшней ночи я буду очень трезво смотреть на мир.

— В каком смысле? — пятится она. Сейчас платье на ней дикая насмешка. Оно должно исчезнуть. Сгореть. Слишком чистое для такой как она.

— Твое признание ничего не изменит. Ты моя жена, а сегодня брачная ночь.

— Ну уж нет. Между нами ничего больше не будет, пока мы не разберемся.

— А что, в планы Романова секс со мной не входил в планы? А может быть ты уже с ним успела потрахаться, а мне остались объедки? Твой рот и жопа? — она охает и хлестко бьет по щеке.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.